

Женские судьбы.
Уютная проза
Марии Метлицкой

Мария
Метлицкая

И все мы будем
счастливы

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление серии
и иллюстрация на обложке
Петра Петрова

Метлицкая, Мария.
М54 И все мы будем счастливы / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-103658-4

Кира приехала в родной город, где прошли самые счастливые и самые несчастные ее годы. Счастливые — потому что здесь она встретила своего Мишку. Несчастные — потому что из этого города им пришлось бежать: от неустроенности, нищеты, унижительной невозможности жить так, как хочется.

Москва стала совсем другой, да и Кирина жизнь изменилась. Главное — она потеряла Мишку. И теперь ей казалось, что счастья не будет никогда.

Но жизнь не прощает уныния. Она как будто говорит: оглянись. Наверняка есть тот, кто в тебе нуждается. И в этом городе, полном воспоминаний, Кира снова нашла свое счастье. Потому что к хорошим людям оно всегда приходит. Иначе и быть не может.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103658-4

И все мы будем

счастливы

Зал прибытия пахнул на Киру тревогой и беспокойством — она вздрогнула и растерянно огляделась. Нет, все вроде как обычно и как везде: чисто — и это надо признать. Она отлично помнила, как выглядел аэропорт, когда они улетали. Сейчас все вполне цивилизовано — бесплатные тележки для багажа, магазинчики известных марок с горящими надписями «Дьюти фри». Там, как и везде, царило оживление — прилетевшие спешно покупали подарки и сувениры.

Прибывший из дальних и не очень стран народ был спокоен, уверен в себе и очень прилично одет — куда лучше, чем в странах Европы. Тогда почему? Почему опять эта мерзкая внутренняя дрожь, испуг, холодок, легкий озноб и даже страх? Почему беспокойство, смятение? «Господи, да бред! — успокаивала она себя. — Просто бред воспаленного мозга. Здесь наверняка все спокойно. Вон сколько милиции!» И тут же вспомнила, что теперь и *они* стали полицией.

Вещи на ленту, кстати, тоже доставили быстро. «Как в цивилизованных странах», — усмехнулась она.

Тогда, сто лет назад, она улетала отсюда с надеждой. Нет, даже не так — почти с уверенностью. С уверенностью, что их жизнь переменится, повернется на сто восемьдесят градусов. Иначе — зачем? Зачем все эти усилия, нечеловеческие страдания, измученная и больная совесть? Зачем? Она улетала, чтобы у ее мужа, ее Мишки, все наконец сложилось. Не думала о себе — что там она? У нее все, в конце концов, не слишком сладко, но почти как у всех. Она как-нибудь с божьей помощью проживет, приладится, свыкнется. Перетерпит. Как это умеет женщина. А вот он — нет. Не перетерпит. Потому что не осталось сил терпеть. Да и улетали не в Антарктиду же они и не на Северный полюс, не в пустыню Сахару и не на Эверест. В Европу, в благословенную старую как мир матушку Европу. Любезный Старый Свет, между прочим!

Она помнила этот день, день отъезда. Точнее — вспомнила потом, через несколько лет, сильно напрягши память. Потому что тогда, в тот день, она почти ничего не запомнила — сквозь пелену слез, сквозь свой страх, сквозь нескончаемую свою тоску... Да и слава богу, что не запомнила! Слава богу, что услужливая и щадящая память «обнародовала» это потом,

спустя много лет, когда уже чуть отпустило. Кира долго и тщательно восстанавливала все по минутам: три чемодана, набитых вещами. Три новеньких чемодана, остро пахнувших искусственной кожей. Как долго потом этот запах не выветривался. Коробки с книгами — их выклянчивали с черного входа гастронома, в продаже их не было. Ничего тогда не было, ничего. Все доставали с боем, с трудом невероятным. Как Мишка боялся, что эти коробки, перетянутые мохнатой ворсистой веревкой, с уже разъехавшимися углами и просвечивающими сквозь них корешками, развалятся. Еще Мишкин портфель с документами — старый, облезлый, когда-то рыжий, а теперь бурый, любимый Мишкин портфель. Как она умоляла его с ним расстаться! Говорила, что брать его в новую жизнь неприлично. Но нет, не уговорила. В портфель были уложены стопочкой аттестаты, дипломы, трудовые книжки. Мишка, при всей своей растерянности и безалаберности, к документам относился уважительно. Тоненькая пачечка фотографий — самых дорогих, тщательно отобранных: родители, Мишкина дочка, они с Мишкой. Последних совсем немного — как-то нечасто случалось им фотографироваться. Потом, спустя годы, когда Мишки не стало, совместные фото она убрала. Далекое. Захочешь — и не достать. Впрочем, ей не хотелось. Точнее — она боялась. Боялась увидеть себя счастливой.

* * *

Так вот, день отъезда и Мишкин уродец портфель, и в нем обменные накануне деньги — валюта. Ничтожно, до смешного мало. А им казалось — богатство! Какими же дураками они были тогда! Впрочем, ими и остались. Что поделать — наивная советская интеллигенция, вызывающая у кого-то пренебрежение, у кого-то — жалость, а у кого-то и смех. Неумехи, топчущиеся по жизни, словно малые дети. Нищие, стеснительные, донельзя скромные, не умеющие жить — доставать, копить, завязывать нужные знакомства. Ничего не умеющие — только сладостно почитать книжки, перелицовывать костюмы и юбки, вязать дурацкие толстые свитера, балдеть от отварной картошки с тощей и сухой иваси, танцевать под заезженную пластинку. Торопиться на свою идиотскую службу, приносящую унижительную копеечную зарплату — жалованье, если изволите! Караулить лишний билетик — конечно, на галерке, а где же еще?

И при этом — ни на что не жаловаться, ни ни! И еще одна глупость — умение быть самыми счастливыми, самыми довольными, самыми непритязательными. Чудеса!

Нет, конечно, довольны они были далеко не всем. Власть презирали, посмеивались над ней. Ворчали на крошечных, прокуренных кухнях,

передавали друг другу перепечатанный Самиздат, копили на привезенные *оттуда* пластинки: блюз или джаз — то, что отсутствовало тогда на прилавках.

Но пуританства, конечно, уж не было — женщины мечтали об импортной туши для глаз, о хороших духах, о нервущихся колготках, об импортных кофточках или юбках. Мечтали. Но как-то довольно легко с отсутствием всего этого великолепия справлялись — шили, вязали, красили, перекраивали. И упрямо считали себя счастливыми. Молодость.

Они не были борцами с режимом. И возмутителями спокойствия тоже. А вот легкими диссидентами — да. «Кухонными», как говорил Кирин муж.

Тогда уже муж! А до этого он был любовник. «У меня есть любовник», — с замиранием сердца, с каким-то священным ужасом повторяла она про себя. И холодела. Любовник! Нет, это слишком — любимый! Так приличнее, что ли? Спокойнее на душе. Хотя о каком покое тогда шла речь? Не было никакого покоя. И счастья, увы, тоже не было. Сплошные печаль и тоска, тысячу раз перемноженные на муки совести. Она так, между прочим, была дамой замужней. Встречались они раз в неделю — ужасно редко, кошмарно редко особенно в первое время.

Он был не просто ее мужчиной, не просто родным, близким и абсолютно понятным, *ее*

человеком. Он для нее был всем — воздухом, водой, хлебом. Жизнью.

Раннее и скоропалительное замужество оказалось дурацким мероприятием, обреченным на предсказуемый провал. Нет, не было в той истории сволочей, негодяев, подонков. Были просто чужие. Те, без кого можно вполне обойтись. Ее муж, ее несчастный и ни в чем не повинный муж, был человеком хорошим. Приличным, порядочным, честным. О таких говорят — повезло. Повезло, что они попались на вашем пути. Кира понимала, но поделать ничего не могла, как ни старалась. А ведь вначале старалась, и очень! Но нет, не получалось. Не получалось любить. Муж оставался соседом, приятным и ненавязчивым, полудругом или близким родственником — точно что-то из этой категории. Они вместе ужинали, смотрели телевизор, читали перед сном. А потом Кира надолго уходила в ванную — пряталась и пережидала, когда муж уснет. Иногда получалось. А иногда...

Нет, женщина может все пережить. И это — в том числе. Закроешь глаза, стиснешь зубы, отвернешься. Но господи, господи! В эти минуты она себя ненавидела. И его, кстати, тоже. Но в чем он виноват? Он — точно нет. А вот Мишка... Он был виноват — ведь он должен решиться, правда? Решиться и взять ее за руку. И увести. Если любит.

Но о самом главном они с Мишкой не говорили еще года два с того времени, как случился их бурный роман. Наверное, ему было страшно. Их страхи были похожи.

Вот, например, ей было страшно не изменить свою жизнь, а обидеть своих — ни в чем не повинного обманутого мужа и замечательную свекровь. А больше страхов не было. Хотя нет, понимала: родители тоже осудят и ее не поймут.

Мишка говорил, что не уходит из семьи по той же причине — из жалости и чувства вины. Ситуации, конечно, несравнимые — у него был ребенок, четырехлетняя дочка Катюша.

Кира уже тогда была с ней знакома. Пару раз в воскресенье поутру они ходили в «Баррикады» на мультики. Кира заранее ехала на Пресню и покупала три билета — разумеется, рядом. У входа Катюшу отвлекали мороженым, и Кира потихоньку отдавала Мишке билеты. Сиделись рядом, и он брал ее за руку. Сорок минут под бодрящую или грустную прекрасную музыку из «Ну, погоди!» они просто держались за руки. И после этого можно было снова прожить пару дней.

Как-то поставили «спектакль» — как бы случайно встретились у чугунных ворот зоопарка.

— Кира Константиновна, моя дорогая! Катюшка, познакомься — Кира Константиновна, мы вместе работаем!

Девочка равнодушно бросила на незнакомую тетеньку короткий взгляд и дернула за руку отца:

— Пап, ну хватит! Пойдем!

— Да, да, — кивал ответственный папаша. — А вы, Кира? Может, с нами?

И коллега милостиво, хоть и со вздохом, соглашалась.

Шли рядом, а когда девочка отвлекалась, тут же жадно и коротко сплетали руки в замок — господи, как электрический разряд, как вспышка молнии были эти тактильные ощущения. Голь на выдумки хитра — выкручивались как могли.

Мишка женился рано — через два года после школы, едва отслужив армию.

С Ниной, первой женой, познакомились случайно, в метро. Он рассказывал, что та понравилась ему своей чистотой и наивностью — в столицу приехала недавно, тяжело зарабатывала на хлеб на парфюмерной фабрике «Новая заря», и от нее сладко пахло духами. Сначала ему нравилась эта «душистость». А потом — раздражала.

К тому же верная Нина два года его ждала. Да не просто ждала и писала — моталась к нему в часть. Черт-те куда, между прочим, — шесть сот верст от Москвы.

После Мишкиного возвращения они спешно поженились — Нина забеременела. Он призна-

вался — уже тогда не любил. Смотрел на нее как на чужую. А смыться было неловко — она ведь ждала. Жалко ее было до слез, до дурноты. Вот и женился, как порядочный человек. Правда, несчастливы были оба — обнаружилось это почти сразу. И оба молчали, не признавались в этом даже самим себе. Но уже была Катька — куда деваться? Мишка томился, но и жалел жену. Он говорил, что наивно думал тогда: «Ну так, значит, так. Стерпится — слюбится. Живут же люди и без огромной любви, в конце концов». Нина хороший человек и мать его дочери. И их он не может предать. Как женщина она давно его не интересовала. Да и говорить им было не о чем. Так, из бытового, из общесемейного — пеленки, распашонки, молочная кухня, врачи, дочкин первый зубик, первый шагок. А может, достаточно?

Были, конечно, легкие и необременительные, короткие связи. Но чтобы уйти? Нет, такие мысли в голову не приходили. Но появилась Кира. И их накрыло. Он говорил потом, что сначала ничего не понял — ну, какая-то женщина, вполне симпатичная, кто же спорит? Короткая встреча, случайная компания, куча народу. Да, милая женщина. Только несчастная — это не то чтобы бросалось в глаза, но он углядел.

Она обабдела:

— Да неужели?

Он подтвердил:

— Да, я сразу понял.

Это Киру потрясло. Ей казалось, что в тот вечер она замечательно выглядела. Новая, только из парикмахерской, прическа — модная короткая стрижка, недавно появившаяся в Москве, — называлась она по фамилии парикмахера «сассон» или «сэссон», все путали. Новое платье — роскошное, модное, английское тончайшее джерси, за черт-те какие деньги. А вот как оказалось...

Муж, кстати, от похода в гости тогда отказался — кажется, у него болело горло, но точно Кира не помнила.

Компания была шумная, праздновали Первомай, хотя это, конечно, был повод — праздников трудящихся Кирины знакомые не отмечали. Компания была полудиссидентская, кто-то уже собирался уезжать, и это усиленно обсуждалось. Врачи, итээровцы, молодые специалисты — средний класс, интеллигенция. Было очень накурено, и даже у покуривающей Киры разболелась голова. Какой-то незнакомый ей парень взял гитару и запел Окуджаву: «Наверно, эта дама — из моего ребра. И без меня она уже не сможет». Все замерли. Ах, как пел этот щуплый, совсем неинтересный, даже смешной, молодой мужчина! Все подвинули табуретки и стулья и сгрудились вокруг него, притихли, загрузили, вспомнив о своем.

Вот тогда они и оказались совсем рядом, в полуметре, нет, даже меньше, друг от друга на диване, почти вплоты. Впрочем, все там сидели как кильки в банках. Места не хватало, и кто-то уселся на палас и подоконник. И в эти минуты все чувствовали единение и душевную близость. А щуплый парень все пел, волнуя и распаяя души и тревожа сердца.

На улицу вывалились большущей компанией. И Кира увидела, как внимательно, изучающе на нее смотрит симпатичный бородатый мужчина — тот самый сосед по дивану. Она смутилась и фыркнула, чуть выпятив нижнюю губу. Он подошел к ней:

— Вам в какую сторону?

Кира растерялась и не ответила сразу.

— О! Кажется, вы забыли свой адрес. А я собирался напроситься к вам в провожающие.

— Ничего я не забыла! — буркнула Кира. — И провожатые, уж извините, мне не нужны! Во-первых, сама доберусь. А во-вторых, у метро меня встретит муж!

Сказано это было с вызовом, конечно, от смущения — ох, давно с ней никто не знакомился и давненько ее не кадрили, если честно.

Потом Мишка пенял ей, что она могла пропустить свое счастье и свою судьбу из глупости и заносчивости. А тогда он и не подумал отстаивать.

— И все-таки я вас провожу! Хотя бы до мужа!